

А. В. СВЯТОСЛАВСКИЙ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА И. СТАЛИНА В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ С 1930-Х ГОДОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Работы М. Хальбвакса, получившие известность на Западе в первой половине XX века, положили начало интересу к проблеме социальной памяти. В 1970-е гг. в Западной Европе и США произошел новый всплеск в поисках закономерностей отражения исторических событий, фактов, лиц в культуре современности. Постепенно тематические границы расширились, что позволило сформироваться направлению *memory studies*. Речь идет о семиотике истории, поскольку представители данного направления стремятся выяснить не то, «как было на самом деле» – вечный вопрос исторических изысканий, а то, в каких знаках представлено прошлое в социальной среде настоящего и почему оно представлено так, а не иначе. Один из основателей московско-тартусской семиотической школы Б. А. Успенский, описывая классическую оппозицию *historia res gestae* (история событий) против *historia rerum gestarum* (история образов событий), замечает, что первая «не способна объяснить восприятие исторического прошлого», в то время как «история в смысле *historia rerum gestarum* – это прежде всего осмысление прошлого»¹.

В нашей стране в относительно недавнем прошлом формированием образов истории на официальном уровне занималась верхушка правящей партии, ВКП(б) – КПСС. С конца 1980-х ситуация меняется, исторические образы в СМИ и на страницах литературы «вырываются» из-под партийной опеки (хотя понятно, что и прежде существовал неконтролируемый

¹ Успенский Б. А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: «Азбука», 2002. С. 14.

сверху пласт коллективной памяти!). В постсоветской России активно начинает формироваться культурология как учебная и научная дисциплина, вокруг предмета и тематических границ которой до сих пор кипят споры. На наш взгляд, культурология имеет непосредственное отношение к данному научному направлению, будучи ориентирована на выяснение того, как формируются и «работают» образы исторических явлений в конкретной культуре, какова их социальная роль и функции. Появившаяся в постсоветской России возможность открытого выражения собственного мнения привела к неизбежной активизации дискуссий по поводу российского прошлого, однако во многом упор традиционно делается на попытки выяснения того, как оно было на самом деле.

Нередко упускается из виду давно известный факт, что настоящему прошлое интересно лишь в рамках конкретных утилитарных потребностей современности. Поэтому настоящее создает образы истории, позволяя себе и намеренное забвение, и любые интерпретации исторического материала. Параллельно поискам наиболее адекватных потребностям культуры-реципиента образов исторических событий идет процесс сознательной и бессознательной переработки поступающей из прошлого информации для формирования исторических представлений. Данный процесс происходит как на уровне политики, осуществляемой государством и теми или иными политическими силами в целях использования образов прошлого как эффективного средства управления массой, так и в среде потенциальных объектов этого управления (манипуляции) – социальных групп и индивидов. Последние ищут в прошлом точки опоры, призванные помочь преодолеть трудности настоящего и использовать накопленный позитивный и негативный, условно говоря, опыт прошлого. Политические установки в формировании образов «сверху» и ожидания «снизу» могут совпадать и не совпадать. В зависимости соотношения того и другого происходят колебания от консенсуса между властью и народом до непримиримого конфликта.

Третий, хотя претендующий быть первым, фактор в процессе формирования образов и представлений задается наукой. В идеальной модели, естественно, наукой, движимой установ-

кой на максимальное извлечение фактов, с одной стороны (историографический аспект), и на возможно более объективированное описание типичных моделей обработки социальной трансформации образов в социальной памяти и в политике памяти – с другой. Реальная же наука, представленная как поле мнений профессиональных историков, культурологов, социологов, культурных антропологов, педагогов, – высказанных ими в научных и научно-публицистических, учебных и методических работах, – оказывается на поверку таким же полем борьбы образов и связанных с ними стереотипов, которое характеризует обыденное групповое сознание. Это стало особенно очевидным с развитием электронных СМИ и глобальной сети, которые предоставляют все большие возможности для вовлечения массы индивидов в дискуссии на исторические темы.

Приверженность стереотипам и проявлениям ригидного черно-белого мышления в среде, называющей себя научной, иногда выглядит совершенно обескураживающей. Кандидаты и доктора исторических наук спорят о том, однозначно полезна или однозначно вредна деятельность Петра Великого, о том, что лучше и что легитимнее: Российская Империя или Советский Союз, кто сыграл большую роль в Великой Отечественной войне: Жуков или Рокоссовский и т.д. Еще более странным выглядит преувеличение роли личности, внешних сил, случая в событиях отечественной истории, то есть факторов, в принципе, характеризующих бытовое сознание, но не научный подход. Одни профессионалы, называющие себя патриотами России, всерьез верят, что страна, не побежденная ни Ордой, ни турками, ни Наполеоном, пала жертвой «германских денег» и привезенного в plombированном вагоне Ленина в 1917 г., а вообще-то Россия тогда стояла на пороге победы в войне и на пике процветания. Другие убеждают в том, что патриотизм неотделим от коммунистического мировоззрения и Гитлер был разбит исключительно благодаря преимуществам социалистического строя в СССР. Третьи уверены, что исключительной причиной развала СССР были личности Горбачева и Ельцина, плюс происки американцев.

В последние годы среди фактов отечественной истории, ставших «камнями преткновения» в дискуссиях на историче-

ские темы, выделяется группа явлений, связанных с жизнью и деятельностью И. В. Сталина. Причем, если во времена так называемой «хрущевской оттепели», в годы «гласности» и «перестройки», а также в 1990-е годы доминировало осуждение сталинизма (а образ самого «вождя народов» конструировался, исходя из новых разоблачений, и даже демонизировался), то в последние годы все более заметна тенденция оправдания Сталина и его политики по широкому спектру позиций. В групповом сознании уже можно зафиксировать отдельные проявления некоего модернизированного культа личности Сталина. Многие вещи, очевидные для автора данной статьи, родившегося в 1950-е гг., оказывается, совершенно неочевидны для обучаемых им студентов, в сознании которых уже успели сформироваться некоторые современные стереотипы по поводу советской истории, которые независимо от их модальности иллюстрируют все больший отрыв образов от реалий того времени.

Наше внимание привлек не только сам факт усиления интереса к этой исторической фигуре и умножения однозначно позитивных оценок его деятельности (достаточно взглянуть на полки книжных магазинов), но тот факт, что Сталин сегодня стал едва ли не самой яркой иллюстрацией того разрыва между реальным историческим лицом и его представлением в культурном поле, который и является предметом *memory studies*. Грубо говоря, сегодня каждый волен творить из Сталина то, что хочет. Ситуация чрезвычайно интересна для описания процессов, которые являются предметом изучения в работах по коллективной памяти – конкретная личность становится все более осязаемым культуротворческим фактором по мере нарастания исторической дистанционности, потому что начинает жить своей новой, виртуальной, жизнью, имеющей все меньше общего с жизнью реального индивида, каким он был.

Привлекательность личности Сталина для многих современных россиян привела к явлению, которое показалось бы парадоксальным в одинаковой мере верным сталинцам и антисталинистам еще два-три десятилетия тому назад: современная культура создает такой широкий диапазон образов этого человека, что некоторые из них могут быть определены как взаимоисключающие. Подобно тому, как советские идеологи в

свое время пытались «превратить» в своих сторонников Петра Великого и Суворова, Пушкина и Гоголя, Кропоткина и Плеханова (отсюда известный анекдот тех времен, когда «крошкасын пришел к отцу и спросила кроха»: – Папа, а кто еще из русских царей, кроме Петра I, был за нас, за большевиков?), сегодня сторонники различных, казалось бы, политических взглядов интерпретируют деятельность «вождя народов» в свою пользу и рисуют его образ на своих знаменах.

Говорить о динамике общественного мнения и формирования образа Сталина в советское время непросто, поскольку открытые социологические исследования на эту тему тогда не проводились. Однако если исходить из того, что кредит доверия КПСС со стороны народа не был исчерпан по большому счету до 1991 года, то политика партии в этом вопросе отражала, по видимому, мнение немалой части рядовых граждан СССР. В целом же, на советском и постсоветском отрезке отечественной истории в массовой оценке роли Сталина заметно действие теории «маятника», когда периоды «похолодания» к личности этого вождя сменяются периодами «потепления». Потепление характеризуется нарастанием публикаций в СМИ, научных и историко-публицистических изданиях, в которых даются положительные оценки роли Сталина в отечественной истории, и соответствующими сдвигами в динамике общественного мнения по опросам крупнейших социологических служб и некоторых СМИ (в постсоветский период, когда открытые социологические исследования общественного мнения стали возможны).

Формированию культа личности Сталина в 1930-е гг., позднее осужденному КПСС, предшествовала бурная деятельность самой же партии по формированию новой сакральности, которая должна была оказать влияние на мировоззрение нового типа, свободного от религиозных предрассудков, как тогда называлась вера в Бога. Народ, измотанный войнами и революцией, надо было вдохновить на строительство социализма, примирить с временными лишениями, им надо было управлять и сделать его послушным воле партии. В таких условиях в сознании народа, не готового по своему развитию к корпоративному управлению, шли процессы поиска образа отца нации, призванного заменить собой образ богоданного монарха.

Предпосылки культа однозначно содержатся в массовой психологии, их надо было только развить, а их развитию объективно способствовала и ситуация. Протоиерей Михаил Ардов вспоминает о том, как искусствовед А. Г. Габричевский в разговоре с ним упомянул о «загадочном» лозунге, висевшем на здании Манежа в дни похорон Ленина: «Могила Ленина – колыбель человечества». «Я надеюсь, вы не станете возражать, – отвечал ему о. Михаил, – если я скажу, что партия большевиков – сатанинская пародия на Церковь: съезды – это соборы; парады, демонстрации и митинги – ритуальные действия, чучело Ленина пародирует святые мощи и так далее <...> “Могила Ленина – колыбель человечества” это такая же точно пародия на слова молитвы, обращенной к воскресшему Христу: “Гроб Твой – источник нашего Воскресения”»².

Вспомним первые две Моисеевы заповеди «Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии разве Мене» (Исх. 20; 2-3) и «Не сотвори себе кумира...» (Исх. 20; 4). Язычество в богословском (не культурно-антропологическом) смысле понимается не как стадия этногенеза, а как состояние души человека, променявшего веру в Бога на кумирню. Поэтому советская идеология, при всей ее претензии на новизну, фактически явила собой лишь неоязычество и не более того.

Сам по себе культ Сталина (лидера, обладавшего всеми необходимыми качествами, которые от него ждал народ в условиях формирования новой советской религии), естественно, не мог устраивать многих из его бывших соратников и творцов новой идеологии, вроде Троцкого, Бухарина, Зиновьева и др. Но бывшие соратники спохватились, когда «джина», которого они сами выпустили из сосуда революций, запихнуть обратно оказалось невозможно. Сам народ стал лучшей гарантией набирающего обороты культа личности. Удивительно, что партия после XX съезда попыталась целиком возложить вину за создание культа на самого Сталина. С точки зрения социологической это выглядит совершенно нелепо и способствует демонизации образа «вождя народов». С другой стороны, понятно, почему так. Винить себя (партию) никак было нельзя,

² Ардов Михаил (протоиерей). Все к лучшему... Воспоминания. Проза. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006. С. 183–184.

винить народ – неприлично, когда уже столько сил положено на формирование новой, раскрепощенной личности строителя социализма. А эта личность на тридцать пятом году революции не смеет, скажем, приступить к написанию даже справочника кулинарных рецептов, не пропев в предисловии обязательного «акафиста» мудрому и доброму «отцу народов».

Имеются свидетельства, что Сталин противился формированию культа. Сторонники этой точки зрения охотно ссылаются на письмо Сталина в издательство «Детиздат» от 16.12.1938, в котором вождь протестует против создания искусственного образа себя в детской книге:

«Я решительно против издания “Рассказов о детстве Сталина”. Книжка избилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, “добросовестные” брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория “героев” и “толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку. И. СТАЛИН»³.

Проблема инициативы снизу при формировании культа личности поднималась и в беседе Сталина с приехавшим в конце 1936 года в СССР Лионом Фейхтвангером, который позднее так передал это место:

«На мое замечание о безвкуском, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека во усами – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да еще какие! – в местах, к которым они не

³ *Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 249.*

имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. “Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов”. Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее организаторам, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция»⁴.

Сегодня, когда под знаменем Сталина выступают антикоммунисты, приходится всерьез усомниться в универсальности последнего замечания вождя. А вот мысль о наивной радости неразвитого сознания остается актуальной и по сей день.

Под обаяние Сталина подпадали и многие «инженеры человеческих душ», способствовавшие формированию культа в массах – даже те, кто потом разочаровывался и в Сталине, и в сталинизме. Можно вспомнить А. А. Фадеева, А. Т. Твардовского, Б. Л. Пастернака, чьи талант и гражданский патриотизм, затмившие в итоге насаждаемое свыше корпоративное чувство «классовости», сегодня несомненны. 1 января 1936 года бухаринские «Известия» опубликовали стихотворение Пастернака «Художник», в котором наиболее адекватно отражена сущность того, что потом и получит название культа личности Сталина. Удивляться этому не приходится, поскольку поэт – глас народа.

«...А в те же дни на расстояньи
За древней каменной стеной
Живет не человек, – деянье:
Поступок ростом с шар земной.
Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел.
Он – то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел...»⁵.

⁴ *Фейхтвангер, Лион*. Москва 1937. М., 2001. С. 62–63.

⁵ Цит. по: *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений с приложениями. В 11-ти тт. Т. II. М., 2004. С. 401–402.

Смерть Сталина и процессы над бериевской командой стали первыми признаками грядущей масштабной переоценки роли вождя и его внутренней политики. Следующий шаг был сделан на XX съезде партии. Тотальное покаяние КПСС перед народом было неприемлемо, разочарование народа в самом строе и руководящей партии надо было предотвратить формированием негативного образа конкретного явления – сталинизма и осуждением культа личности. Ловкость этого хода КПСС состояла в том, что все беззакония, ошибки во внутренней политике, военном строительстве, оперативном руководстве во время войны 1941–45 гг. были объявлены последствиями культа личности. Культ был призван прикрыть собой политическую обусловленность многочисленных партийных «ошибок» их органической природой, вытекающей из всех русских революций и действий самой партии, а не отдельных лиц и теоретических взглядов Сталина (вроде пресловутого тезиса об усилении классовой борьбы по ходу строительства социализма).

В итоге Сталин и сталинизм были осуждены, а линия партии осталась верна «ленинским принципам» коллективного партийного руководства. Опять же, в отсутствие статистических данных можно лишь в общих чертах говорить о наступившем расколе общества по вопросу о роли Сталина. Так или иначе, один из сегментов был представлен «коренными» антисталинистами, которые встречались и прежде в рядах преданных партии и делу социализма коммунистов. Второй сегмент включал все увеличивающееся число разочаровавшихся в Сталине прежних поклонников. А. Т. Твардовский следующим образом прокомментировал свое состояние после завершения «антисталинской» главы в поэме «За далью даль»: «Мне важно было написать это, я должен был освободиться от того времени, когда сам исповедовал натуральный культ»⁶. Именно настроения разочарования в сталинизме определяли динамику «оттепели»). Наконец, существовал сегмент, включавший тех, кого в обиходе называли «твердолобыми сталинистами» или «верными сталинцами». Причем, среди последних были не только те, кто сажал, но и те, кого сажали. Автор данной статьи лично

⁶ Цит. по: *Лакшин В. Я.* «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). М., 1991. С. 34.

знал людей, отбывших немалый срок в лагерях и ссылках, но сохранивших преданность «вождю народов», а всю неправду относивших на счет других членов сталинского руководства и ведомство Ягоды-Ежова-Берии. В целом оправдание Сталина в связи с широкомасштабными репрессиями по политическим мотивам в 1930–40-е гг. обычно сводилось (и сводится теперь) к двум позициям: 1. Сталин до поры не подозревал о масштабах гонений на граждан собственной страны; 2. Масштабные репрессии дело вынужденное, но необходимое – хотя и были лишние жертвы, но без них не обойтись, дескать, внутренний враг мешал Сталину строить социализм и победить в войне.

«Оттепель» сменилась брежневско-сусловским периодом руководства страной. Проблема формирования образа Сталина в СССР вступает в новую фазу. Маятник начинает движение в обратном направлении. Благополучно пережившие «оттепель» сталинисты восстанавливают свое влияние в партии, убеждая Брежнева, что дальнейший процесс разоблачения преступлений сталинизма может привести к деструктивным последствиям для всей системы советской власти. С позиций сегодняшнего дня, имея за плечами опыт горбачевской «перестройки» и «гласности», мы не можем с ними не согласиться. Другое дело, что идеологи из этой команды полагали, что деструктивные процессы внутри советской политической системы носили не тотальный, а локальный характер, так что их можно ликвидировать раз и навсегда. Этого не получилось:

«События, последовавшие за разоблачением Сталина, явились грозным предупреждением, что калькулированная десталинизация начинает выходить из-под контроля Кремля. Оптимистические расчеты – разрядить путем разоблачения Сталина внутреннюю и внешнюю атмосферу – оказались ошибочными. Отсюда Кремль очутился как бы в заколдованном кругу: полный возврат к Сталину был невозможен уже психологически, а продолжение курса на десталинизацию угрожало серьезными потрясениями самой системы. На Западе придавали термину “десталинизация” то значение, которое ему никогда не придавали люди из Кремля. На Западе под десталинизацией подразумевали постепенный отход от существующей в СССР системы. Руководители КПСС под десталинизацией (этого термина они, конечно, не употребляют, а говорят о “ликвидации последствий культа личности Сталина”) подразумевали:

1. Развенчание славы и имени Сталина как классика марксизма, чтобы иметь свободу действий как в догмах, так и на практике.
2. Пересмотр практики правления Сталина, чтобы поставить партию над полицией.
3. Создание психологических и политических предпосылок, чтобы приступить к проведению совершенно неизбежных и вынужденных реформ сверху как в экономическом, так и в административном управлениях.

Если у Кремля были планы для серьезных изменений в рамках сложившейся системы, то надо было развенчать Сталина как классика марксизма, что только и создавало необходимую предпосылку для обоснования новых мероприятий»⁷.

На XXIV и XXV съездах решили широковещательно расставить точки над *i* в вопросе отношения к Сталину и сталинизму. Поскольку уйти слишком далеко от решений XX съезда было бы неприличным (сильные колебания линии партии подорвут ее авторитет), придумали половинчатую позицию: культ по-прежнему осуждается, но проблема более не обсуждается. Страх перед дальнейшим разоблачением преступлений сталинской эпохи был вызван в немалой степени творчеством ряда советских литераторов. Начинаются гонения на А. И. Солженицына, смещается с поста главного редактора «Нового мира» А. Т. Твардовский. В разделе озвученного Л. И. Брежневым Отчетного доклада XXIV съезду КПСС, посвященном литературе и искусству, было сказано: «Кое-кто пытался свести многообразие сегодняшней советской действительности к проблемам, которые бесповоротно отодвинуты в прошлое в результате работы, проделанной партией по преодолению последствий культа личности. Другая крайность, также имевшая хождение между отдельными литераторами, — это попытки обелить явления прошлого, которые партия подвергла решительной и принципиальной критике...»⁸. На XXV съезде в аналогичном докладе одной строчкой отмечалась роль XX съезда в восстановлении ленинских норм партийной жизни и на этом поставлена точка⁹.

⁷ Авторханов А. Г. Технология власти. М., 1991. С. 449.

⁸ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта – 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1971. С. 113.

⁹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля – 5 марта 1976 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1976. С. 90.

В целом позиция КПСС по формированию образа Сталина в период после «оттепели» и до «перестройки» характеризовалась осуждением репрессий сталинского периода, унесших жизни многих невинных граждан и даже верных ленинцев. Часть вины за это возлагалась лично на вождя. Но в некоторых других аспектах (Гражданская и Великая Отечественная войны, военное строительство) ситуация выглядела иначе. По поводу роли Сталина в военном строительстве и в Великой Отечественной войне единства мнений не было даже среди ветеранов войны, в том числе воевавших на командных должностях. Одно из мнений сводилось к тому, что Сталин и страна под его руководством сделали максимум возможного для подготовки к будущей войне с Гитлером (включая тактику заключения мирных соглашений), а потери первых месяцев войны были неизбежны, поскольку объективно не хватило времени для укрепления новой границы, запуска в серию новых вооружений и т.д. Оппоненты этой точки зрения, даже высоко оценивая роль Сталина в Победе в целом, не снимали с него вины за бездействие в условиях вплотную приблизившейся угрозы в июне 1941 года, когда боязнь провокаций со стороны немцев не позволила вовремя развернуть войска к отражению удара. Сталина обвиняли и в уничтожении в предвоенные годы начсостава РККА, когда три четверти среднего командного состава и многие высшие военачальники были расстреляны (в том числе три маршала из пятых). Данная точка зрения стала официально принятой в те годы и нашла отражение в учебниках истории.

Однако в силу страха дать волю разоблачителям Сталина на страницах исторических романов и в кадрах кинолент охотно формировали положительный образ Сталина периода Великой Отечественной войны (после первых поражений лета 1941 года). Для этого имелось немало и объективных причин: активность Сталина на посту Верховного главнокомандующего; сохраняющийся авторитет Верховного в войсках (многие реально шли в бой с лозунгом «За Родину! За Сталина!»), хотя сегодня это пытаются порой отрицать); нежелание Сталина эвакуироваться в Куйбышев, когда гитлеровцы стояли под Москвой (некоторые лица из близкого сталинского окружения склонялись к паническому бегству еще в сентябре-октябре 1941-го); высокая

оценка роли вождя в Победе в мемуарах крупных военачальников, опубликованных в 1960–70-е гг. Так, маршал Г. К. Жуков, пользовавшийся доверием большинства соотечественников, писал в воспоминаниях буквально следующее:

«И. В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками положительно. Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать»¹⁰.

Положительный образ Сталина в этот период был восстановлен и в кинематографе, игравшем тогда огромную роль в формировании исторических представлений масс (например, киноэпопея «Освобождение» Ю. Озерова, сериал «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой).

Однако маятник начал обратное движение в сторону невиданного доселе по масштабам разоблачения преступлений советского государства против собственных граждан к середине периода горбачевской «перестройки» (1988–89). В фокусе широкомасштабной критики оказался и сам Сталин. Статьи в «толстых» журналах, в «Огоньке», создание общества «Мемориал», публикации невозможных прежде документов и материалов отмечают этот период доминирующего антисталинизма в культурном поле России. С началом постсоветского периода в истории России данная тенденция шла по восходящей, причем к журнальным публикациям и разоблачающим сталинизм материалам СМИ добавились научные монографии А. Г. Авторханова, Д. А. Волкогонова, Ф. Д. Волкова, М. Я. Геллера и др.

Ситуация же последних лет все заметней отличается от предыдущего периода от горбачевской «гласности» приблизительно до начала нового тысячелетия. Наиболее последовательно формирование сугубо положительного образа Сталина, абсолютно позитивно проявившего себя на посту партийного и

¹⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2-х тт. М., 2002. Т. 1. С. 338.

государственного лидера (равно в довоенное, военное и послевоенное время), происходит в среде современных коммунистов, в том числе в рядах КПРФ. Именно современный (правильнее сказать – уже прежде известный и вновь востребованный) образ Сталина как символа державности, порядка и справедливости, а также символа «сильной руки», способной навести должный порядок в государстве – является той главной опорой, на которой держится идеология КПРФ. Теоретический марксизм для большинства членов партии и сочувствующих является «тайной за семью печатями». Практический же социализм в его родном советском варианте оказался несостоятельным. Поэтому нужны новые объединяющие идеи. И на помощь приходит образ Сталина как путь к объединению левых сил и, по мнению коммунистов, к решению едва ли не всех проблем современной России. Кстати, в их рядах до сих пор популярна мысль о том, что советский строй пал жертвой предательства со стороны Горбачева и Ельцина, что вызывает недоумение, поскольку сами советские идеологи без конца внушали массам мысль об объективной закономерности социализма.

К 140-летию Сталина в декабре 2009 г. КПРФ даже выпустила юбилейную сталинскую медаль, причем в формате официальных государственных наград, – и награждала ею своих наиболее преданных членов. Коммунисты болезненно реагируют на новые факты, бросающие тень на Сталина и его команду. Так, обнаруженные по указу Президента РФ в апреле 2010 г. документы «катынского дела» вызвали возмущение членов КПРФ, одни из которых считают, что расстрел поляков был оправдан как месть за погибших в Польше красноармейцев в 1920 г., а другие, подобно внуку Сталина Е. Я. Джугашвили, направившему по этому случаю открытое письмо Президенту РФ, – считают опубликованные в факсимильном виде документы вообще поддельными.

Формирование положительного образа Сталина сегодня характерно также для озабоченных правами этнических русских в России и странах бывшего СССР, а также сохранением культуры великороссов в условиях глобализации и этнических миграций на постсоветском пространстве. Как известно, этнический грузин (хотя некоторые исследователи выдвинули вер-

сию об осетинских корнях Сталина) Иосиф Джугашвили высоко оценивал роль русского народа в мировой истории и нередко позиционировал себя как великорусский патриот. Выступая с застольной речью на обеде, данном 2 мая 1933 года в Большом Кремлевском дворце для участников первомайского парада, Сталин сказал: «Оставляя в стороне вопросы равноправия и самоопределения русские это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира. Русская нация – это талантливейшая нация в мире»¹¹.

Еще один, все увеличивающийся, сегмент современного российского общества, характеризуемый формированием положительного образа Сталина, представлен теми, кто, не доверяя реформам, требует «сильной руки» для наведения порядка в сегодняшней России, для ликвидации тотальной коррупции и продажности представителей власти и правоохранительных органов, явлений преступности, несправедливости, пренебрежения интересами рядовых граждан со стороны государства. К этому присовокупляется недовольство многих граждан распущенностью нравов (засилье порнографии, проституции, наркомании, пьянства и мелкого хулиганства). Для них аскетизм Сталина в быту и наличие контроля за соблюдением норм морали в его время выглядят привлекательно.

В ряде бывших республик СССР (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан), по нашим собственным наблюдениям, образ Сталина нередко увязан с удачной национальной (как ее называли тогда) политикой. Недовольные развалом не столько социально-политического устройства СССР, сколько единого государства – Союза республик, граждане разной этнической принадлежности положительно оценивают деятельность Сталина и его команды как созидание большого союзного государства, которое затем пало жертвой коммунистов-перерожденцев.

Современным примером немислимой прежде концепции реабилитации Сталина с антикоммунистических позиций – как национального лидера, уведившего свой народ *прочь от* марксизма и неповинного в репрессиях, вызванных действиями

¹¹ *Невежин В. А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 10–11 (сохранена пунктуация публикатора – А. С.).

оппозиции, – является работа А. Елисеева «Правда о 1937 годе». По мнению автора, в 1930-е гг. существовало целых четыре партийные группы («левые консерваторы», «национал-большевики», «социал-демократы» и «левые милитаристы»), которые боролись между собой, что и раскачивало политическую стабильность. Сам Сталин принадлежал к условной группе «национал-большевиков», взявшей курс «на создание мощного Советского государства, которое возродило бы старые державные традиции на новом уровне»¹². Приведем пространную цитату из монографии Елисеева, поскольку позиция его, сильно отличаясь от традиционного «коммунистического сталинизма», как нельзя лучше иллюстрирует попытку научного обоснования современного «патриотического неосталинизма»:

«Генералиссимус начинает кампанию по постепенной дискредитации Ленина. Так, в ответе на письмо профессора Е. Разина, специалиста по военной истории, Сталин заявил об отсутствии у Ленина компетенции в военных вопросах. Сказать такое о человеке, руководившем Россией в период Гражданской войны и интервенции, было равносильно тому, чтобы вообще поставить под сомнение его государственную компетенцию. Одновременно наращивалась пропаганда русского национального патриотизма, бичевались “безродные космополиты”, утверждался культ русских царей. В народе упорно ходил слух о том, что Сталин возродит монархию, а себя сделает новым царем. Вряд ли, конечно, он бы пошел на такой шаг, но показателен сам факт наличия подобных настроений. И наконец, была полностью прекращена антирелигиозная пропаганда, и Русская православная церковь стремительно отвоевывала ранее сданные позиции. Процесс перерастания социалистической революции в революцию национальную шел, но шел по-сталински – медленно, осторожно, с уступками партократии, с использованием затяжных бюрократических маневров и дворцовых интриг. В результате Сталин упустил время – 5 марта он скончался, после чего партийные догматики свернули все сталинские начинания. <...> Будь в распоряжении Сталина собственная политическая сила, придерживающаяся его оригинальных взглядов на социалистическое строительство в СССР, ход исторического развития пошел бы по-другому. В этом случае Сталин смог бы открыто провозгласить свою идейно-политическую

¹² Елисеев А. В. Правда о 1937 годе: Кто развязал «большой террор». М.: «Яуза», «Эксмо», 2008. С. 96.

платформу и покончить с коммунизмом в стране. Народ его бы поддержал, ведь авторитет у вождя был колоссальный. Но Сталин поостерегся использовать свою сверхпопулярность в целях открытой политической борьбы и перемудрил самого себя. Весьма возможно, что он пытался вызвать свое окружение на бунт. Подавив его, вождь провел бы еще одну большую чистку и создал бы совершенно новую партию. Если это так, то вождь повторил ошибку А. Керенского. Судя по воспоминаниям участников Временного правительства, премьер хотел дожидаться начала большевистского восстания, чтобы получить законный повод к разгрому большевизма. Но выяснилось, что эффективнее действует тот, кто наносит удар первым. Сталин не сумел победить марксизм и партократию. Тем не менее он сумел предотвратить развал страны, который был бы неизбежен в том случае, если бы в 30-е годы победу одержали левые или правые. Под руководством Сталина наша страна создала огромный научно-промышленный потенциал. На нем мы до сих пор и держимся, о чем неплохо было бы почаще вспоминать нынешним руководителям»¹³.

В Рунете можно обнаружить немало сайтов, материалы которых направлены на политическую реабилитацию Сталина не с коммунистических, а с национально-патриотических позиций.

Проанализируем некоторые статистические данные. Так, по итогам проекта «Имя Россия», проведенного телеканалом «Россия», Институтом Российской истории РАН и Фондом «Общественное мнение» в 2008 г., рейтинг Сталина по суммарному (телефонное, смс- и Интернет-) голосованию составил 519071 голос от общего числа проголосовавших 4498840, что позволило ему занять третью строчку в списке 12-ти исторических персон, которым было отдано предпочтение¹⁴. Известна условность принципов выбора ввиду неоднозначности формулировок («символ», «личность, оказавшая наибольшее влияние на судьбу страны»¹⁵), но, так или иначе, популярность Сталина как политической фигуры оказалась высока. Примечательно, что среди жюри из интеллектуалов от науки, искусства, религии, политики (Митрополит Смоленский и Калининградский

¹³ Там же. С. 343–345.

¹⁴ Имя Россия. М., 2008. URL: <http://www.nameofrussia.ru/>.

¹⁵ См.: *Святославский А. В.* Культура увековечения и проблема коллективной памяти в современной России: На материалах социологических исследований в московском регионе // Преподаватель XXI век. 2010. № 3.

Кирилл, Виктор Черномырдин, Валентин Варенников, Сергей Капица, Дмитрий Рогозин, Александр Ткачев, Илья Глазунов, Геннадий Зюганов, Юрий Кублановский, Никита Михалков, Сергей Миронов, Андрей Сахаров) Сталин оказался на 10-м месте. В рамках того же проекта летом 2008 г. ФОМ было проведено исследование (без интернет- и смс-голосований) с целью выявить 50 лиц, «которые, по мнению россиян, оставили наиболее значительный, причем неважно – положительный или отрицательный – след в истории нашей страны. В ходе каждого этапа по месту жительства было опрошено 6000 респондентов по выборке, репрезентирующей население Российской Федерации». В результате рейтинг Сталина оказался еще выше – второй, после Петра Великого (База данных ФОМ, сайт).

В исследовании (N=1600) Центра Общественного мнения Левады вопрос ставился так: «Какую роль сыграл И. Сталин в жизни нашей страны?» Результаты отражены в таблице¹⁶:

	2003 март	2008 октябрь	2009 декабрь
Безусловно положительную	18	8	10
Скорее, положительную	35	33	39
Скорее, отрицательную	21	27	23
Безусловно отрицательную	12	10	9
Затруднились ответить	14	21	19

По сумме показателей безоговорочной и небоговорочной оценок число положительно оценивающих роль Сталина составило: 53% в 2003 г.; 42% в 2008 г. и 49% в 2009 г. Общая отрицательная оценка составила 33% в 2003 г.; 37% в 2008 г. и 32% в 2009 г., т.е. положительный баланс в пользу Сталина стабилен. Такой же вывод можно сделать по результатам опросов ФОМ, проведенных в 2006 г. (База данных ФОМ, сайт). Первый вопрос звучал так: «Если говорить в целом, какую роль, на ваш взгляд, сыграл И. Сталин в истории России – положительную или отрицательную?». В итоге оценили роль Сталина: положительно – 47% респондентов; отрицательно – 29%; затруднились с ответом – 24%. По второму вопросу: «Как Вам кажется, сегодня И. Сталина, его деятельность чаще приукрашивают, очерняют, или оценивают объективно?», ответы распределились

¹⁶ Общественное мнение – 2009. М.: Левада-центр, 2009. С. 190.

следующим образом: приукрашивают – 9%; очерняют – 38%; оценивают объективно – 29%; затрудняюсь ответить – 24%.

В отношении социологических исследований необходимо сделать еще одно уточнение. Слово «демократия» за время его обращения в отечественном общественно-политическом лексиконе, как правило, маркировалось положительно, и многие политические силы писали его на своих знаменах, в том числе ВКП(б) во времена массовых политических репрессий и тоталитаризма. Однако начиная с 1990-х стало все заметнее проявляться отрицательное отношение к демократии как таковой в пределах определенного сегмента общества. Поэтому сделать вывод об отрицательной или положительной оценке роли Сталина в истории России невозможно, исходя, скажем, из анализа результатов анкеты, предложенной Аналитическим центром Юрия Левады в 2006 г.¹⁷ Вопрос формулировался следующим образом: «Когда политическое устройство в России было, на Ваш взгляд, ближе всего к демократическому?».

После революции 1905 года	0,3
Во времена Александра II	3
В 1905–1916 годах	1
Между февралем и октябрём 1917 года	2
Во времена В. Ленина	1
Во времена И. Сталина	1
Во времена Н. Хрущева	2
Во времена Л. Брежнева	10
Во времена В. Андропова	3
Во времена М. Горбачева	4
Во времена Б. Ельцина	5
Во времена В. Путина	22
Россия никогда не была демократической страной	28
Затруднились ответить	17

1% голосов в пользу того, была ли демократия в России при Сталине не дает точного ответа на вопрос о симпатиях или антипатиях к личности Сталина и оценке его внутренней поли-

¹⁷ Левада-центр. М., 2006. URL: <http://www.levada.ru/om2006.html>

тики как положительной или отрицательной. Нельзя не отметить, что разочарование некоторой части россиян в политике Ельцина и «младореформаторов» вообще превратило слово «демократы» в ругательное в этой части общества. Левада-центром была предложена специальная анкета, вопрос которой формулировался следующим образом: «Что такое, по Вашему мнению, “демократия”?». Результаты приведены в таблице¹⁸.

Табл. 2.7. Ответы ранжированы по первому замеру

	2000	2001	2004	2005	2006	2007
Свобода слова, печати, вероисповедания	37	39	44	44	40	44
Экономическое процветание страны	33	26	31	32	35	26
Выборность всех высших государственных руководителей	15	14	18	13	12	17
Возможность для каждого делать все, что он хочет	10	10	6	10	7	10
Подчинение меньшинства большинству	6	4	3	4	2	3
Гарантия меньшинствам их прав	5	7	6	6	5	6
Строгая законность	29	23	24	24	26	21
Порядок и стабильность	28	24	29	30	35	30
Анархия и безвластие	6	4	6	5	5	4
Пустая болтовня	10	10	11	9	10	11
Затруднились ответить	8	6	7	6	6	5

Учитывая все возрастающее число людей, называющих себя чадами Русской Православной Церкви (РПЦ), нельзя не обратить внимание на динамику формирования образа Сталина в этой среде. Если в светской среде по мере нарастания негатива в отношении советского строя (начиная с горбачевской «перестройки» и «гласности») в рамках истории СССР все более привлекательным выглядел период «хрущевской оттепели», то в церковной среде он подвергался критике, поскольку именно

¹⁸ Общественное мнение – 2007. М.: Левада-центр, 2007. С. 17.

тогда прокатилась вторая, условно говоря, после периода 1917–1941 гг., волна закрытия и разорения церквей, усиления атеистической пропаганды, притеснений священнослужителей, церковнослужителей и верующих мирян.

Напротив, на этом фоне более привлекательным выглядел период сталинского правления с начала Великой Отечественной войны, когда потепление к церкви сменилось «церковным ренессансом с возобновлением патриаршества, открытием ряда прежде закрытых храмов и духовных учебных заведений. Вторая привлекательная черта этого периода для церковных людей, большинство из которых являются приверженцами традиционализма и державности, – обращение Сталина к символике и риторике, связанной с реалиями Древней Руси и Империи, в том числе «реабилитация» с началом войны Александра Невского, Дмитрия Донского, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, возрождение некоторых традиционных знаков и ритуалов.

С другой стороны, масштабная кампания по выявлению новых фактов гонений на священно-, церковнослужителей и верующих мирян в 1930-е гг. и их посмертной реабилитации, которая привела к канонизации целого сонма новомучеников и преподобномучеников Российских, сильно была по репутации Сталина. Оправдать эти действия можно было только с помощью старой идеи о том, что вождь «не знал» ужасных подробностей, – идеи, которая сама по себе должна дискредитировать мудрость и всеведение Сталина. Многие склонны относить потепление вождя к церкви в 1940-е гг. страхом перед германским завоеванием и возрастной ностальгией по семинарским временам. Но упоминаются и иные причины:

«Можно назвать четыре причины, по которым Сталин сменил гнев на милость по отношению к церкви (разумеется, не к Церкви вообще, а к “сергианской” ее части, – пишет протоиерей Михаил Ардов. – Во-первых, на оккупированных немцами территориях возобновлялось богослужение почти во всех закрытых и оскверненных большевиками храмах, и нацисты с успехом использовали это в своей пропаганде. Во-вторых, одного лишь “пролетарского интернационализма” для воодушевления русских людей на борьбу с захватчиками оказалось недостаточно, пришлось вспомнить об исконном патриотизме, который исторически был неразрывно связан с православием. Третья причина

перемены сталинской политики по отношению к “сергианской” иерархии заключалась в его желании выглядеть респектабельно в глазах западных союзников – американцев и англичан. И, наконец, четвертая, самая существенная причина этой перемены коренится в том, что сами марксисты именуют “диалектикой развития”. По мере того как большевистская диктатура перерождалась в коммунистическую империю, менялся и антураж. На генералах и офицерах засверкали старорежимные погоны, школьницы облачились в гимназические фартучки, а на кремлевских приемах появились персоны в белых клобуках...»¹⁹.

В качестве еще одной причины политической обусловленности сталинского «церковного ренессанса» изредка называют мечту вождя об осуществлении, условно говоря, «византийского проекта», время от времени возникавшего на политическом горизонте России, начиная с «греческого проекта» Екатерины Великой. После победного окончания Второй мировой войны открылась заманчивая возможность выхода к Босфору с установлением протектората СССР над европейскими территориями, которые были в XV в. захвачены турками. Для этого была необходима поддержка восточных патриархов (Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского), а СССР уже снискал репутацию жестокого гонителя православия, а поворот к церковности должен был восстановить авторитет страны в этом вопросе.

Одним из наиболее ярких выразителей идеи апологии Сталина был священник Дмитрий Дудко, при советской власти снискавший известность диссидента и обличителя этой власти, а потом покаявшийся перед КПСС. В последние годы он духовно окормлял газету «Завтра», написал послесловие к книге Михаила Лобанова о Сталине²⁰. Дмитрий Дудко выступал не просто защитником сталинизма, но по его собственному выражению, осуществлял «духовную реабилитацию» Сталина:

«Теперь вот настало время реабилитировать Сталина. Впрочем, не его только, но само понятие государственности. Сегодня мы сами воочию можем увидеть, какое преступление есть безгосударственность и какое благо – государственность! Как не кричат,

¹⁹ Ардов Михаил (протоиерей). Все к лучшему... С. 513–514.

²⁰ Лобанов М. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М.: «Алгоритм», 2008.

что в советское время много погибло в лагерях, но сколько гибнет сейчас без суда и следствия, безнаказанно, безвестно, ни в какое сравнение не идет та гибель. Весь ограбленный и обманутый народ теперь вздыхает: был бы Сталин, не было бы такой разрухи <...> Нет, господа, перед жестокостью демократии бледнеет всякий деспотизм. Скажите, пожалуйста, когда было больше обездоленных, заключенных, пусть и не в тюрьмы, когда преступность и безнравственность имела такую свободу на улицах и на телевидении, в печати и без печати? Когда еще, в какие времена, весь народ, за исключением немногих, сидел на голодном пайке? Когда и какие правители с таким цинизмом, как теперь, разрушали собственную экономику в угоду более сильному соседу? Но как все это, что я говорю, сообразовать с христианскими понятиями, спросят у меня? Христианство, что ли, атеизмом поддерживается? Ведь при сталинском деспотизме все было опутано атеизмом. Атеизм был везде и всюду. Но, видимо, не случайно философ Н. Бердяев говорил: атеизм – это дверь к Богу с черного хода И мы сейчас видим, как многие атеисты стали по-настоящему верующими. Я никогда не забуду, как один высокопоставленный атеист-коммунист мне сказал, что, хотя он и коммунист-атеист, но воспитан на православной традиции. Да, как ни покажется странным, но в русском атеизме-социализме есть и православная традиция, поэтому коммунистическое движение в России вписывается в русскую историю. Это часть нашей истории, которой не вычеркнуть. А вот будет ли сегодняшняя демократия частью нашей истории, хотя бы потому, что она, не посоветовавшись с Западом, ничего не предпринимает? Это чуждое явление для России!»²¹.

Рассуждениям Д. Дудко присущ наивный дуализм мышления, когда предлагают выбирать из двух позиций: репрессии 1930-х или современное беззаконие. Это характерно не только для приведенного отрывка, но составляет сущность позиции о. Дмитрия в целом. Третьего как бы и не дано. Мы обращаем внимание на такую особенность, поскольку она чрезвычайно важна для понимания менталитета обывателя, на ней разные политические силы успешно играют при обработке электората. Особенно ощутимо это происходило в 1990-е гг., когда над электоральным полем висели только два жупела: сталинские лагеря или «бандитский капитализм» ельцинской команды.

²¹ Библиотека думающего о России. URL: http://www.patriotica.ru/history/dudko_stalin.html.

Как видим, сложившийся к настоящему времени спектр мнений о Сталине и сталинизме, представленный в церковной среде, очень широк. На одном полюсе существует полная апология Сталина и его богоугодной якобы политики. На другом резкое осуждение его как гонителя православия, который в этом отношении ничем не лучше Ленина и Троцкого.

Общий же вывод по поводу ощутимого возрастания симпатий к Сталину состоит в том, что вся эта ситуация как нельзя лучше иллюстрирует разрыв между конкретной исторической личностью и ее отражением в коллективной памяти. Действительно, Сталин при жизни обладал немалой харизмой, сущность ее во многом состояла в том, что он умел соответствовать ожиданиям народа, у которого отняли царя и Бога, но который при этом не научился жить самостоятельно. «Иосиф Виссарионович был великим ловцом человек – увы, во многих смыслах слова, но, в частности – и душ человеческих. Умел нравиться, покорять, завоевывать любовь и доверие»²². Культ поддерживался вождем и формировался партией настолько, насколько он был необходим народу (поэтому в некоторых странах, народы которых обладают схожими специфическими чертами «восточной» ментальности – Китай, Корея, Албания, Туркменистан – происходило то же самое). Эта ментальность не удовлетворяется наличием просто сильного политического лидера и авторитетного главы государства, – ей нужен некий *pater patriae* – мудрый, непогрешимый, стопроцентно надежный отец нации, полубог, к которому можно прислониться и которому так приятно служить и поклоняться. От него можно принять и наказания, поскольку все его действия априорно оправданы. Сохранился рассказ о том, как два известных советских писателя застыли в восхищении перед плакатом с изображением «вождя народов» и рассуждали на тему о том, какое счастье быть современниками этого человека с внешностью гордого орла. Примечателен тот факт, что литераторы, современники Сталина, созерцают не живого вождя, маленького человека с прокуренными усами и изрытым оспинами лицом, а портретное изображение, написанное по

²² Турков А. М. Твардовский М.: «Молодая гвардия», 2010. С. 67.

специальным канонам, предназначенным удовлетворять те самые специфические потребности народа и партии.

Если сегодня найти такую идеальную фигуру в реальности невозможно, ее можно создать, пользуясь наиболее подходящим материалом. Этот материал удобно взять в реальной истории, поскольку за выдуманным героем из фантастического романа никто не пойдет. К счастью, мы не можем сказать, что общественное мнение современной России как две капли воды похоже на коллективную ментальность сталинского Союза или маоистского Китая, но проводимые социологические исследования и среди молодежи, и среди старших поколений показывают, что притягательность образа Сталина находится в определенной зависимости от ощущений нестабильности и социальной несправедливости в современном российском обществе. Могут возразить по поводу отмеченной нами особенности российского менталитета. Но мы далеки от мысли, что готовность к кумиротворчеству и склонность к добровольному рабству характеризует всех. Другая часть общества всегда сопротивлялась и сопротивляется этому. Как здесь не вспомнить Н. А. Бердяева, отмечавшего: «для русских характерно сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный»²³.

Ежедневные сообщения в СМИ о безнаказанности преступников, события в станице Куцевской, в Гусь-Хрустальном, убийство спартаковского болельщика в Москве, повлекшее за собой массовые столкновения, и другие, – предупреждают о том, что популярность Сталина в массах будет только возрастать, несмотря на бодрые заявления руководителей разных уровней о мерах по наведению порядка. Следователь Следст-

²³ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15.

венного комитета РФ, попавший в эпицентр скандала, связанного с убийством 6 декабря 2010 года в Москве болельщика Егора Свиридова, в интервью газете «Московский комсомолец» объяснил бездействие правоохранительных органов тем, «что арестовать этих людей [участников драки – А. С.] непонятно за что мы не могли, это незаконно. Может, для 37-го года это нормально, а для правового государства – нет»²⁴. Так из рук официального лица, призванного охранять безопасность граждан, обыватель получает знакомое меню из двух блюд: либо беззаконие, либо пресловутый 37-й год. Третьего не дано. Стоит ли удивляться, если на фоне бессилия властей в борьбе с преступностью симпатии многих качнутся к порядкам 1937-го года.

В интервью по итогам уходящего 2010 года директор Левада-центра Лев Гудков отметил, что пока еще «у руководства страны есть некоторый ресурс доверия населения, который состоит из надежды россиян на то, что при нынешней власти хуже не будет, и привычки терпеть. Терпения россиян, по оценкам специалистов, хватит на полтора года при резком спаде экономической ситуации (чего, по всей вероятности, не ожидается) и на три года при постепенном ухудшении. Только после этого люди начнут всерьез выказывать свое недовольство»²⁵.

Думается, что не столько новые факты биографии реального Сталина, которые могут быть преданы гласности, а исчерпание кредита доверия к нынешней власти, – о чем говорит Л. Гудков, будет способствовать все более заметному формированию положительного образа Сталина в сознании масс.

²⁴ Не считаю нужным оправдываться // Московский Комсомолец. 28 декабря 2010 г. С. 7.

²⁵ Интервью директора Левада-центра Льва Гудкова журналу «Огонек» по итогам изучения общественного мнения в истекающем 2010 г. // URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1559378>.